

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ВОЛГО-ОКСКАЯ ТОПОНИМИКА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

1

В конце 1955 г. в № 6 журнала «Вопросы языкознания» была опубликована статья Б. А. Серебренникова «Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР», представляющая большой интерес для исследований в области этногенеза финно-угорских народов Поволжья. Самое существенное в статье Б. А. Серебренникова — это попытка коренным образом пересмотреть традиционные представления о финно-угорском происхождении основного слоя дославянской топонимики Волго-Окского междуречья.

До настоящего времени было принято считать, что, по данным топонимики, прежде всего — гидронимики, на севере Европейской части СССР имелись некогда две большие этнические области — древняя балтийская (летто-литовская) область, охватывающая верхнее Поднепровье, Понеманье и Подвинье, и область Поволжья, Севера и Приуралья, где основной топонимический слой является якобы финно-угорским. Граница между этими областями проходит несколько западнее Москвы; верховья Оки, по топонимическим данным, оказываются в пределах балтийской этнической области. Считалось, что именно здесь, на водоразделе Днепра и Волги, в течение длительного времени имел место тесный контакт между балтийцами и угро-финнами, позднее нарушенный славянской колонизацией.

Балтийский (летто-литовский) характер основного слоя топонимики верхнего Поднепровья и его периферии не подлежит никакому сомнению. Сюда относятся такие названия рек, как Лучеса, Истра, Лемна, Упа, Жиздра, Жужала, Нара, Сож, Верпета и сотни других. Совершенно ясно, что пришельцы-славяне не только застали в верхнем Поднепровье балтийское население, но и долго сожительствовали и смешивались с ним, заимствовав у него наименование почти всех рек и озер. Слой славяно-русской топонимики в области верхнего Поднепровья является совсем незначительным. Он включает в свой состав главным образом наименования мелких речушек и ручейков на водоразделах, в местах, занятых до позднейшего времени лесными массивами.

Совсем иная картина, судя по статье Б. А. Серебренникова, наблюдается в области Волго-Окского междуречья, которая обычно включается в границы древней финно-угорской территории. Оказывается, что основной слой древней топонимики (гидронимики) этой области, для которого особенно характерны «речные» суффиксы *ма*, *га*, *ша* (Клязьма, Андома, Кудьма, Вичуга, Шуга, Шокша, Теша и др.), из современ-

ных поволжских финно-угорских языков не объясняется. Все многочисленные попытки исследователей сопоставить наименования большинства рек Волго-Окской области с различными современными финно-угорскими языками оканчивались неудачей. Волго-окская топонимика в равной мере чужда как славянскому — русскому языку, так и мордовскому, марийскому, удмуртскому и другим финно-угорским языкам. От балтийской (летто-литовской) топонимики она тоже очень отличается. Это был, несомненно, иной, не балтийский язык.

Рассматривая этот вопрос, Б. А. Серебренников напоминает о мнениях, высказанных по поводу волго-окской топонимики рядом исследователей. Среди них фигурирует известный поволжский этнограф И. Н. Смирнов, указавший в свое время, что топонимика марийской и удмуртской территории не соответствует марийскому, удмуртскому и другим финно-угорским языкам¹. В статье приведено также мнение акад. А. И. Соболевского, который рассматривал волго-окскую топонимику в качестве индоевропейской, условно — скифской².

В ареал волго-окской топонимики, по мнению Б. А. Серебренникова, входят: восточная часть Смоленской области, Московская, Ивановская, Горьковская, Ярославская, Костромская, Рязанская (а также Владимирская. — П. Т.), Кировская, Вологодская и Архангельская области, а также территории Мордовской, Марийской и отчасти Удмуртской республик. Отдельные островки такой топонимики имеются в Карелии, республике Коми и в северо-западных областях РСФСР. Распространение волго-окской топонимики в северных областях Б. А. Серебренников пытается сопоставить с гипотезой А. Я. Брюсова и М. Е. Фосс о расселении неолитических племен из поречья Оки на север, вплоть до территории южной Карелии, что происходило в III — начале II тысячелетия до н. э.³ В Приуралье, на Каме, в пределах Башкирской, Чувашской и Татарской республик топонимика волго-окского характера встречается очень редко, как исключение. Основной древний топонимический слой этих мест — финно-угорский.

Мы воздержимся здесь от комментариев по поводу предпринятого Б. А. Серебренниковым сопоставления ареала распространения волго-окской топонимики с гипотезой о передвижении на север окских неолитических племен, сформулированной А. Я. Брюсовым и М. Е. Фосс. Это сопоставление заслуживает самого серьезного внимания соответствующих специалистов, которые должны произвести детальное сравнительное изучение двух карт — топонимической и неолитических памятников. Если эти карты действительно совпадут, в большом выигрыше окажутся обе стороны — и Б. А. Серебренников, и археологи, занимающиеся неолитическими культурами северных областей Европейской части СССР. Но нам представляется, что еще более важным и перспективным делом для выяснения вопросов этногенеза была бы попытка сопоставить топонимическую карту с картой археологических памятников более позднего времени и прежде всего с картой археологических памятников, принадлежавших тому самому населению, от которого пришло славяно-русское население могло заимствовать волго-окскую топонимику. Б. А. Серебренников, лишь коснувшись истории финно-угров в посленеолитическое время⁴, такого сопоставления не сделал, что является, по нашему мне-

¹ И. Н. Смирнов, Вотяки, Историко-этнографический очерк, Казань, 1890, стр. 33—34.

² А. И. Соболевский, Названия рек и озер Русского Севера, «Изв. Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXXII, 1927, стр. 2—16.

³ А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952; его же, История древней Карелии, М., 1940; М. Е. Фосс, Древнейшая история севера Европейской части СССР, «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), 29, М., 1952.

⁴ Б. А. Серебренников, Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР, «Вопросы языкознания», 1955, № 6, стр. 30.

нию, значительным недостатком его статьи, который мы и попытаемся выполнить в порядке, конечно, самой предварительной постановки вопроса.

2

Основная территория распространения волго-окской топонимики, начиная с раннего средневековья, была занята в одной части русским населением, в другой, восточной, части — поволжскими финно-угорскими племенами и народами. При этом можно предполагать, что отношение русского и известного в средневековье финно-угорского населения к волго-окской топонимике было одинаковым: волго-окские наименования и здесь, и там составляют основной древний топонимический слой, непосредственно предшествующий слою славяно-русской топонимики в более западных областях и слою мордовской, мерянской, муромской топонимики — в восточных. Отдельные наименования финно-угорского характера, имеющиеся в западных областях Волго-Окского междуречья, занятых русским населением, не меняют общей картины. Этих наименований так мало, что они буквально тонут во множестве названий, относящихся к волго-окской топонимике. И вряд ли прав Б. А. Серебренников, когда он сомневается в том, что носители волго-окской топонимики сталкивались со славянами.

Иначе обстоит дело в тех областях, где славяне, двигаясь на восток, заняли земли финно-угорских племен — мери, муромы, веси. Слой финно-угорской топонимики является там, как известно, весьма существенным (Костромская, Ярославская, Ивановская, Горьковская области).

Исходя из этого и всего сказанного выше, можно сделать следующие предварительные выводы: 1) некогда область Волго-Окского междуречья и его периферия были заняты создателями и носителями волго-окской топонимики — неизвестными племенами, по-видимому, не принадлежавшими ни к одной из сохранившихся до исторического времени групп финно-угорских племен; 2) финно-угры — предки мери, муромы и мордвы — обитали первоначально восточнее этой области; западнее — в Понеманье, Подвинье и верхнем Поднепровье — обитали балты; 3) при последующих передвижениях восточную часть территории носителей волго-окской топонимики заняли меря, мурома, мордва, мари, удмурты, западную — славяне; 4) перечисленные выше поволжские финно-угорские племена никогда не занимали западной части той территории, которая отмечена волго-окской топонимикой; 5) славяне, продвигаясь на север, встретились не с двумя этническими группами, а с тремя: родственными им балтами, поволжскими финнами и носителями волго-окской топонимики.

Попытаемся теперь сопоставить эти выводы, сделанные на основе топонимики, с историческими и археологическими данными, начав наше рассмотрение с определения времени, когда славяне проникли в верхнее Поднепровье, чтобы выяснить, с археологическими памятниками какого времени должны быть связаны носители волго-окской топонимики, непосредственно передавшие пришельцам-славянам наименования рек и озер.

В ходе археологических работ последних лет становится все более и более очевидным, что появление славян в области верхнего Поднепровья было связано с проникновением туда из области среднего Поднепровья носителей так называемой зарубинецкой культуры, что совершилось в течение первой половины I тысячелетия н. э. С середины I тысячелетия н. э. славянский элемент в верхнем Поднепровье и по его периферии становится, по-видимому, господствующим, что нашло свое выражение в формировании отдельных славянских племенных культур — кривичской, словенской (словене новгородские), вятичской и др.⁵ Первая половина

⁵ П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., 1953, стр. 116 сл.

и середина I тысячелетия н. э. были, таким образом, тем временем, когда славяно-русское население усваивало балтийскую (летто-литовскую) топонимику в верхнем Поднепровье и волго-окскую топонимику — в более восточных областях.

Сколько же этнических групп, судя по археологическим данным, имелось в области верхнего Поднепровья и Волго-Окского междуречья к моменту прихода туда славян — носителей зарубинецкой культуры? Была ли среди них такая группа, которую можно связать с носителями волго-окской топонимики?

Да, такая группа как будто была. Речь идет о древнем населении Волго-Окского междуречья, археологические памятники которого, относящиеся ко времени от середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э., известны в археологии как городища дьякова типа, начало исследованию которых было положено в 1903 г. А. А. Спицыным⁶.

Казавшиеся ранее однородными городища лесной полосы Европейской части СССР распадаются в действительности на ряд локальных групп, несомненно, соответствующих древнему этническому делению населения. Одной из таких групп является только что упомянутая дьяковская, другой — группа верхнеднепровских городищ, в свою очередь распадающаяся на ряд подразделений, третьей — группа ананьинских городищ Прикамья и Поветлужья, четвертой — группа так называемых городищ правобережья Волги на юг от Оки. Все они изучены далеко недостаточно, но на основании относящихся к ним материалов все же можно составить некоторое представление о главнейших группировках населения лесной полосы Европейской части СССР накануне прихода туда славян.

Над картой археологических культур середины и второй половины I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры автор настоящей статьи начал работать около двадцати лет назад, опубликовав ее первые варианты в 1940 и 1941 гг.⁷ Наиболее существенным недостатком первых вариантов карты было то, что памятники верхнего течения Оки, тогда еще совсем плохо известные, были присоединены к волго-окским — дьяковским. Позднее этот недостаток был исправлен⁸. Теперь хорошо известно, что граница между дьяковскими городищами с сетчатой керамикой и городищами верхнеднепровской группы проходит не точно по водоразделу между системами верхнего Днепра и верхней Волги, а несколько восточнее, отсекая от Волго-Окского бассейна область верхнего течения Оки с ее притоками Угрой и Жиздрой, в пределах которой широко представлена топонимика балтийского характера. Западная граница дьяковских городищ как в области водораздела между верховьями Днепра и Волги, так и в верхнем течении Оки полностью отвечает границе, разделяющей балтийскую и волго-окскую топонимику.

Северная граница распространения городищ дьякова типа известна очень плохо. Ими были заняты берега верхней Волги и ее притоков, они имеются в области Валдайской возвышенности. Сетчатая керамика, близкая дьяковской, местами известна и далее на северо-запад, вплоть до южной Карелии и юго-восточной Прибалтики, но отношение ее к дьяковской культуре пока что не установлено. Было бы очень интересно сопоставить карту памятников с сетчатой керамикой северо-запада с топонимической картой, принимая во внимание указание Б. А. Серебренни-

⁶ А. А. Спицын, Городища дьякова типа, «Зап. Отдела русской и славянской археологии Русск. археолог. об-ва», т. V, вып. 1, СПб., 1903.

⁷ П. Н. Третьяков, Некоторые вопросы этногонии восточного славянства, «Краткие сообщения ИИМК», V, 1940, стр. 12—14; его же, Северные восточнославянские племена, МИА, 15, 1941, стр. 13 сл.

⁸ П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., 1953, стр. 44 и 94; «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР», М., 1956, стр. 373 сл.

кова о том, что волго-окская топонимика известна на северо-западе. Но это — дело будущего.

Южная граница городищ дьякова типа совпадает в общих чертах с течением Оки, что также примерно соответствует границе волго-окской топонимики. На востоке граница дьяковской культуры переходит на левый берег Волги, достигая верховьев Костромы, Галичского и Чухломского озер. На Каме, Вятке, в пределах республики Коми и в других восточных областях, где волго-окская топонимика неизвестна, дьяковские городища не встречаются. В этих местах было распространено совершенно иное население, представленное ананьинской и пьяноборской культурами на Каме, Вятке и Ветлуге и близкими им культурами в более северных областях⁹. По правобережью Волги, южнее Оки, распространены городища городецкой культуры, по ряду признаков отличающейся от дьяковской. Основная область городецкой культуры также выходит за пределы распространения волго-окской топонимики. Обе культуры — ананьинская и городецкая — обычно рассматриваются как финно-угорские.

Таким образом, развивая мысль о волго-окской топонимике, высказанную Б. А. Серебренниковым, мы выдвигаем предположение, что носителями волго-окской топонимики могли быть племена дьяковской культуры — многочисленное оседлое население, веками жившее на одних и тех же местах, что не могло не способствовать сложению определенной топонимики. Это предположение отнюдь не противоречит попыткам Б. А. Серебренникова сопоставить волго-окскую топонимику с окскими неолитическими племенами, расселившимися некогда на север. В свое время Б. С. Жуковым было показано, что дьяковская культура с ее сетчатой керамикой складывается на основе местной неолитической (и неолитоидной, относящейся к эпохе бронзы) культуры¹⁰. Мы можем добавить, что дьяковская культура возникла в среде волго-окского населения, по-видимому, в результате распространения скотоводства, земледелия и металлов, что не могло не повлиять на облик культуры. Следовательно, племена дьяковской культуры и окские неолитические племена в равной мере могли являться и создателями, и носителями волго-окской топонимики.

3

Как же возможно увязать сделанный нами вывод с традиционными в археологической литературе представлениями о дьяковской культуре как культуре финно-угорской? Совершенно очевидно, что увязать то и другое не представляется возможным. Либо наше предположение, основанное на мнении Б. А. Серебренникова, в корне ошибочно, либо дьяковская культура финно-угорской в действительности не была.

Мысль о принадлежности дьяковских городищ финно-угорскому населению впервые была высказана А. А. Спицыным¹¹. Позднее эту мысль, кажется, никто не оспаривал, если не считать попыток рассматривать дьяковские племена в качестве стадийных предшественников как финно-угров, так и славян; попытки эти, исходившие из представлений Н. Я. Марра, предпринимались в свое время, в частности, и автором настоящей статьи. В недавно опубликованной статье «К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.» автор этих строк рассматривал население дьяковских городищ в качестве финно-угорского, подвергшегося в западных областях ассими-

⁹ А. В. Збруева, История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, МИА, 30, 1952, стр. 15, 19 сл.

¹⁰ Б. С. Жуков, Теория хронологических и территориальных модификаций неолитических культур, «Этнография», 1929, № 1.

¹¹ А. А. Спицын, Указ. раб., стр. 113—114.

ляции славянами еще до того времени, как были ассимилированы меря, мурома и окские мордовские племена¹². По мнению А. П. Смирнова, указанная статья «вносит ясность в запутанный вопрос и в значительной мере правильно его решает... основной вывод П. Н. Третьякова о финно-угорской принадлежности культуры дьяковских городищ в целом... бесспорно правилен»¹³. Но так ли это в действительности и не поторопились ли оба — и автор этих строк, и А. П. Смирнов, считая решенным такой вопрос, который надлежало всесторонне исследовать?

На чем, собственно говоря, основывается мнение о дьяковской культуре как финно-угорской, близко родственной культуре племен Поволжья, Прикамья и Приуралья? Имеются ли бесспорные археологические данные, доказывающие, что существовала генетическая связь между дьяковской культурой и сменившей ее в восточных областях известной археологам древней культурой поволжских финно-угров — меря, муромы или мордовских племен, обитавших некогда на средней Оке? Необходимо признать, что таких археологических доказательств в нашем распоряжении не имеется.

А. А. Спицын, пытаясь определить, кому принадлежали дьяковские городища, исходил из предположения, что они являлись жертвенными местами, чем-то вроде древних языческих кереметищ, известных у финно-угорских народов Поволжья, или чем-то вроде «костищ» Прикамья, и на этом основании приписывал дьяковские городища финно-уграм¹⁴. Однако раскопки, произведенные позднее на ряде дьяковских городищ, не подтвердили этой мысли; городища оказались отнюдь не местами культа, а обычными поселениями. Тем самым аргумент А. А. Спицына отпал, но его вывод продолжал жить.

Другим аргументом в пользу финно-угорской принадлежности племен дьяковской культуры являлись находки на городищах отдельных вещей, характерных для древних мерянских, мордовских или муромских могильников. Но, как справедливо указал еще В. А. Городцов, число таких находок очень невелико и относятся они лишь к позднему времени, когда в Поволжье и на Оке уже сложились финно-угорские — мерянские, муромские и мордовские — племена¹⁵.

Главным же аргументом в пользу финно-угорской принадлежности дьяковской культуры для большинства исследователей всегда были данные топонимики Волго-Окского междуречья, которую считали бесспорно финно-угорской. Но статья Б. А. Серебrenникова опровергает теперь и этот аргумент.

Бесспорно финно-угорскими древностями в Поволжье и на Оке являются многочисленные могильники и места поселений, восходящие в одних местах к первым векам, в других — к середине I тысячелетия н. э.; они составляют несколько локальных групп, соответствующих отдельным известным по Начальной летописи древним племенам — мордовским на средней Оке, муромским — у г. Мурома и мерянским — на территории нынешних Ярославской, Ивановской и Костромской областей. Культура этих племен во всех своих элементах настолько тесно и неразрывно связана с древней культурой поволжских народов, известной по данным этнографии, что здесь не могут иметь места какие-либо сомнения.

Никому из археологов, занимающихся финно-угорскими древностями, не удалось, однако, показать, что генетическим предшественником культуры поволжских финно-угорских племен, известной по многочисленным могильникам и отдельным поселениям, является население дьяков-

¹² П. Н. Третьяков, К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э., «Сов. археология», 1957, № 2, стр. 64—77.

¹³ А. П. Смирнов, Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии, «Сов. археология», 1957, № 3, стр. 28—29.

¹⁴ А. А. Спицын, Указ. раб., стр. 113—114.

¹⁵ В. А. Городцов, Старшее Каширское городище. «Изв. Гос. академии истории материальной культуры», вып. 85, М.—Л., 1934, стр. 46.

ских городищ с сетчатой керамикой. Как уже указывалось, бесспорные финно-угорские древности распространены лишь по восточной окраине той территории, которую занимали в предшествующий период древние дьяковские городища. Между культурой этих городищ и культурой мерянских, мордовских и других поволжских племен имеются значительные различия. И не случайно один из крупнейших специалистов в области финно-угорских древностей Поволжья П. П. Ефименко в 1920-х годах высказывался за то, что население древних дьяковских городищ и рязано-окских (мордовских) могильников не имело между собой ничего общего¹⁶. Позднее, в 1937 г., не говоря столь категорично, он тем не менее указывал на ряд факторов, свидетельствующих о существовании значительного разрыва между культурой дьяковских городищ с сетчатой керамикой и сменившей ее культурой финно-угорских могильников, поселений и городищ¹⁷. Попытка других исследователей, в первую очередь А. П. Смирнова, а отчасти и автора этих строк, оспорить соображения П. П. Ефименко¹⁸, основывалась не столько на строго проверенных фактических данных, сколько на распространившихся одно время в нашей археологии «автохтонистских» тенденциях. Следует признать, что вопрос о связи культуры дьяковских городищ с сетчатой керамикой и культуры известных по летописи поволжских финно-угорских племен отнюдь не решен, и очень возможно, что его решение будет найдено на путях отрицания прямой генетической связи между этими двумя культурами.

Иначе шел процесс в западных областях территории распространения дьяковских городищ, куда культура известных летописи поволжских племен не распространялась. Здесь культура древних городищ с сетчатой керамикой постепенно и преемственно переходит в позднедьяковскую (первая половина — середина I тысячелетия н. э.)¹⁹, которой не были известны могильники и которая по ряду других признаков значительно отличалась от культуры мерянских, муромских и мордовских племен.

Таким образом, очень возможно, что мерянские, муромские и мордовские племена на территории нынешних Костромской, Ярославской, Ивановской, Владимирской и отчасти Рязанской областей были не автохтонным населением, а населением, продвинувшимся сюда, на территорию дьяковской культуры, в первые века нашей эры. При этом несомненно, что в ходе этого продвижения имели место культурный обмен, а возможно — и процессы ассимиляции.

Откуда же могли продвинуться финно-угорские — мерянские, муромские и мордовские — племена в область Волго-Окского междуречья? Принимая во внимание многочисленные находки металлических изделий в могильниках, можно считать, что древнейшие в западном Поволжье могильники (Кошибеевский, Сергачский, Шатрищенский и др.) содержат в погребениях, относящихся к первым векам нашей эры, ряд предметов пьяноборского типа; это уводит нас в ту область восточного Поволжья и Волго-Камья, где существовала древняя традиция погребения в могильниках, идущая от эпохи бронзы (турбинские, ананьинские и пьяноборские могильники), и где обнаруживаются истоки многих бытовых явлений, характерных для древней культуры всех поволжских и приуральских финно-угорских народов, особенно в области костюма и украшений. Даже в том случае, если наше предположение окажется ошибочным и кому-либо удастся доказать автохтонность мерянских и муром-

¹⁶ П. П. Ефименко, Рязанские могильники, «Материалы по этнографии», III, вып. I, Л., 1926, стр. 63—64.

¹⁷ П. П. Ефименко, К истории западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам, «Сов. археология», II, 1937, стр. 44—45.

¹⁸ А. П. Смирнов, Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья, МИА, 28, М., 1952, стр. 42—61.

¹⁹ В качестве примера можно указать на исследованные О. Н. Бадером три верхневолжских городища — Иванковское, Санниковское и Пекуновское. См. О. Н. Бадер, Древние городища на верхней Волге, МИА, 13, М.—Л., 1950.

ских, а также мордовских племен в среднем течении Оки, останется бесспорным, что ананьинская и пьяноборская культуры стояли у колыбели культуры волго-окских финно-угорских племен, что именно там, в Волго-Камском крае, лежал важнейший центр формирования культуры финно-угров Поволжья.

На важную роль Волго-Камья в формировании культуры древних мордовско-муромских племен поречья Оки (по материалам Кошибеевского и других близких ему могильников) указывал в свое время П. П. Ефименко, считавший, что на Оке пришлое из Прикамья население смешалось с местным населением²⁰. А. П. Смирнов, полагая, что нет достаточных оснований выводить кошибеевцев из Прикамья, тем не менее признает, что наличие ряда пьяноборских вещей в могильниках кошибеевского типа говорит о тесных взаимосвязях правобережных и левобережных поволжских племен и особенной активности при этом пьяноборцев²¹. Ряд соображений о связях древнего населения территории нынешних Костромской, Ярославской, Ивановской и Владимирской областей с населением Прикамья и Приуралья приводит в своей работе Е. И. Горюнова²², использовавшая, в частности, некоторые наблюдения автора этих строк. Нельзя, однако, согласиться с Е. И. Горюновой по поводу предпринимаемых ею попыток отождествления дьяковской культуры с культурой мерянских племен.

4

Хочется еще раз подчеркнуть, что все изложенное выше представляет собой отнюдь не гипотезу или точку зрения автора, а лишь некоторые мысли, вызванные статьей Б. А. Серебренникова о волго-окской топонимике — источнике, у нас почти совсем забытом, не привлекающем внимания исследователей. Между тем этот источник говорит, несомненно, о многом.

Прежде всего волго-окская топонимика предостерегает специалистов по финно-угорской археологии и древней истории от создания упрощенных прямолинейных этногенетических схем, от взгляда на финно-угорские племена как на население, издавна нераздельно господствовавшее на восточноевропейском Севере. Известно, что финно-угорские языки очень сильно отличаются один от другого. Финно-угорская языковая семья в этом отношении является несравненно более пестрой, чем большинство других языковых семей Старого Света. По мнению лингвистов, пестрота финно-угорских языков не может быть объяснена как результат далеко ушедших языковых «расхождений». Скорее всего она возникла вследствие неоднократных скрещиваний финно-угорских языков с другими древними, не сохранившимися до наших дней языками, за счет роли языкового субстрата при передвижении финно-угорских племен. Следовательно, в северной полосе Европейской части СССР, где протекала история финно-угорских племен, должны были обитать и другие племенные группы. Одной из таких групп и были, возможно, древние дьяковцы — носители волго-окской топонимики. Б. А. Серебренников полагает, что проникшие в западное Поволжье угро-финны «ассимилировали часть волго-окского населения. Вследствие этой ассимиляции возникают новые финно-угорские народы, существующие и сейчас»²³. Здесь языковед Б. А. Серебренников пришел к тем же самым мыслям, которые высказывал в 1926 г. археолог П. П. Ефименко, говоря, что племя, оставившее Кошибеевский и

²⁰ П. П. Ефименко, Рязанские могильники, стр. 83—84.

²¹ А. П. Смирнов, Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья, стр. 137—138.

²² Е. И. Горюнова, К вопросу о культурных и этнических связях населения верхнего Поволжья и западного Приуралья в I тысячелетии н. э. «Уч. зап. Марийского научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории», вып. VI, Йошкар-Ола, 1954.

²³ Б. А. Серебренников, Указ. раб., стр. 31.

близкие ему могильники, пришло с Камы и смешалось с местным населением.

В нашей литературе, посвященной археологии и древней истории финно-угров, установилась одна традиция, с которой необходимо вести борьбу. Любая гипотеза и любой факт, касающиеся вопросов этногенеза, скажем, восточных славян, или скифов, или фракийцев, обычно сразу же берутся под придирчивый обстрел критики. От автора гипотезы требуются доказательства, которые далеко не всегда бывают. Что же касается финно-угорской проблематики, то здесь господствует относительное спокойствие. Считается аксиомой, что на севере в лесной полосе издавна жили финно-угры, что этногенетические процессы протекали здесь автохтонно и что здесь, собственно говоря, и спорить не о чем. Это, конечно, далеко не так. Древняя история финно-угорских племен была также весьма сложной, изобилующей передвижениями, ассимиляциями и т. д.

В заключение, возвращаясь к волго-окской топонимике, хочется все же пожелать, чтобы Б. А. Серебренников и другие языковеды, занимающиеся восточноевропейской тематикой, ближе подошли к решению вопроса об этнической принадлежности носителей волго-окской топонимики. Б. А. Серебренников сильно сомневается в принадлежности их к числу финно-угорских племен. А. И. Соболевский сближал их с индоевропейцами, называя условно скифами. Но многие другие лингвисты все же пытались рассматривать язык волго-окской топонимики в качестве какого-то исчезнувшего финно-угорского или близкого ему языка. Во всяком случае, это был язык, издавна смешивавшийся с древней финно-угорской речью.

Необходимо, впрочем, иметь в виду еще одно обстоятельство, касающееся древних обитателей Волго-Окского междуречья, на которое обратил внимание в последнее время Х. А. Моора. В ряде своих работ он указывал, что формирование балтийских (летто-литовских) племен происходило при активном участии проникших в юго-восточную Прибалтику племен «шнуровой керамики» (или «боевых топоров»), индоевропейское происхождение которых признается ныне подавляющим большинством археологов²⁴. В своей последней работе Х. А. Моора пошел еще дальше. Он высказал предположение, что к древним балтам относились также и племена фатьяновской культуры, проникшие в верхнее Поволжье и Волго-Окское междуречье из области Поднепровья в конце III и начале II тысячелетия до н. э.²⁵

Это предположение весьма спорно. Трудно допустить, чтобы в условиях того времени огромную территорию в Восточной Европе занимала единообразная этническая группа. Племена «шнуровой керамики» и «боевых топоров», занимавшие обширные пространства в Средней и Восточной Европе, являлись, по-видимому, предками целой группы индоевропейских племен, включавшей в свой состав, помимо предков балтов, также и предков славян, германцев и, несомненно, многие другие этнические группы, не сохранившиеся до настоящего времени.

Вся совокупность археологических данных показывает, что фатьяновские племена в области верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья оказались «побежденной» этнической группой, которая растворилась в среде местного населения. Отсюда, очевидно, следует, что в послефатьяновское время, в I тысячелетии до н. э. и позднее, некоторые индоевропейские элементы могли проникнуть в топонимику волго-окского населения.

Приблизиться к решению всех этих в высшей степени сложных вопросов можно лишь при тесном сотрудничестве языковедов и археологов.

²⁴ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии, «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956, стр. 67—75.

²⁵ Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен, «Сов. археология», 1958, № 2.